

А.А. Рудь

Муниципальное автономное учреждение
Сургутского района «ИКНПЦ «Барсова Гора»
ул. Ленинградская, 11, Сургут, 628416
E-mail: raa@bk.ru

ПОЖАРЫ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Промышленное освоение и урбанизация Среднего Приобья привели к масштабным изменениям в культуре восточных хантов, основой которой до недавнего времени было традиционное природопользование. Эти изменения коснулись всех сторон культуры хантов Среднего Приобья, в том числе одной из значимых — отношений человека и огня. Неотъемлемой частью отношений «человек — огонь» являются пожары, которые до сих пор наносят большой урон коренным жителям, проживающим в тайге. В работе затронуты современные аспекты практической, религиозной и мировоззренческой составляющих обозначенной проблемы. Отмечены негативные последствия пожаров на территориях традиционных поселений, оленьих пастбищ и промысловых угодий; описана практика использования контролируемого огня для остановки лесных пожаров. Проведен обзор современных представлений восточных хантов о божествах — покровителях огненных стихий и традиционных ритуалов, связанных с ними. Рассмотрены представления об очищающей и разграничивающей роли огня, выявлены различия в оценках последствий пожаров на заброшенных стойбищах и кладбищах с позиций традиционного мировоззрения. Обозначены религиозные изменения, связанные с функционированием традиционных культовых объектов после их повреждения лесными пожарами.

Ключевые слова: восточные ханты, отношение к огню, последствия пожаров, хозяйственные практики, религиозные представления, пантеон традиционных божеств, трансформация мировоззрения, адаптационные стратегии.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-128-137

В течение последнего века вопросы, связанные с местом огня и пожаров в экономике, традиционной религии и мировоззрении восточных хантов, неоднократно поднимались исследователями [Дунин-Горкавич, 1995, 1996а, 1996б; Кулемзин, 1977, 1984; Лукина, 1990; Головнев, 1995; Зенько, 1997; Вигет, Балалаева, 2002, 2014; Песикова, 2006].

Целью данной работы является исследование роли пожаров в культуре восточных хантов в настоящее время. Задачи исследования — рассмотрение пожаров с точки зрения практического и религиозного их значения. В качестве источников привлечены полевые материалы автора (ПМА), а также опубликованные ранее материалы и исследования. Работы предшественников, затрагивающие обозначенные аспекты традиционной культуры восточных хантов, послужили базой для сравнения с современным их состоянием. Полевые изыскания проводились в 2002–2017 гг., территория исследований охватывала часть ареала проживания восточных хантов в Среднем Приобье — бассейны рек Аган, Тромъеган, Пим, Лямин, Большой и Малый Юган. В процессе полевых работ проводился опрос информантов, картографирование промысловых, хозяйственных и культовых объектов, а также видеオフィксация хозяйственно-промысловой, бытовой и религиозной деятельности восточных хантов.

Методологически исследование опирается на этноэкологический подход, в основе которого лежит анализ взаимодействия «традиционных» сообществ и природной среды [Ямсков, 2013, с. 59]. В работе использован также сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить изменения экологических стратегий и религиозных представлений восточных хантов на протяжении последнего столетия.

Последствия пожаров

В случае пожаров в границах традиционных населенных пунктов (стойбищ и юрт) от огня страдают деревянные жилые и хозяйственные постройки. Наиболее чувствительной для коренных жителей является потеря дорогостоящих покупных товаров. Многие из них (снегоходы, лодочные моторы, электрические станции, оружие) в современной смешанной системе жизне-

обеспечения, включающей традиционные и современные элементы, занимают важное место. В этом же ряду по важности стоит уничтожение пожарами запасов продуктов. Во времена, предшествующие промышленному освоению, в силу отдаленности мест проживания восточных хантов от населенных пунктов, закупка промышленных товаров, а также муки, круп, сахара, чая и прочего производилась редко — чаще всего по большой воде или в зимнее время. Это требовало принятия дополнительных мер для их сохранения. Расположение хранилищ — надземных лабазов, навесов или наземных построек часто было приурочено к пожаробезопасным местам (песчаные выдувы на борах, окруженные болотом или водой небольшие участки леса). С появлением разветвленной сети автодорог (с 1980-х гг.), а позднее — личного автотранспорта (с 2000-х гг.) доступность покупных товаров и продуктов повысилась. Однако до сих пор обеспечение их сохранности представляет актуальную проблему для хантов, проживающих в удалении от мест закупки.

Другой проблемой является гибель от пожаров ягельных боров, вынуждающая хантов-оленьеводов искать новые зимние пастбища. Это влечет за собой смену места проживания, налаживание в новых местах систем жизнеобеспечения, выстраивание взаимоотношений с соседями. Отдельная проблема для хантов, придерживающихся традиционных религиозных верований, — «выстраивание отношений» с местными божествами на новой территории. С появлением в Среднем Приобье городов и поселков нефтяников, а также широкой сети промысловых автодорог ситуация усугубилась пожарами, которые возникают по причине неосторожного обращения с огнем переселенческого населения как в процессе производственных работ, так и во время частных посещений тайги. Положительные изменения произошли в 1990-х гг. в связи с закреплением в ХМАО — Югре за семьями коренных жителей родовых угодий [Положение о статусе...], позднее получивших правовой статус территорий традиционного природопользования (ТТП) [Закон ХМАО — Югры...]. Сегодня восточные ханты в лице глав ТТП или общин, объединяющих несколько ТТП, получили возможность влиять на размещение промышленной инфраструктуры на своих угодьях. В некоторых случаях коренные жители добиваются реальных изменений проектов промышленного обустройства с учетом расположения оленьих пастбищ (зимние ягельники, места отела) и промысловых угодий (места охоты и рыбалки, ягодники), а также культовых объектов. Однако закрепление границ ТТП за семьями в отдельных случаях нарушило традиционную систему пастбищ и промысловых угодий, некоторые из которых ранее имели статус общего пользования.

Ситуация с закрепленными границами ТТП наиболее критична при потере хозяйствующей единицей (семьей или несколькими семьями) вследствие пожаров одного из оленьих пастбищ, с учетом того что в границах ТТП находится ограниченное их количество. Один из глав ТТП на Тромъегане аргументировал конфликт с нефтяниками в связи с промышленным освоением части его родового угодья именно опасностью потери оленьего пастбища: «У меня на угодье два бора. Тут, где мы давно уже живем, олени весь ягель уже съели, истоптали. Остался еще один бор. А они хотят через него дорогу провести, кусты¹ поставить. Начнут машины ездить. Сожгут бор. Могут случайно поджечь. Где мне оленей пасти?» [ПМА, р. Тромъеган, декабрь 2004 г., сведения К.Б.А.²].

Аналогичным бедствием являются последствия лесных пожаров в местах охотничьих промыслов. Наблюдается снижение численности промысловых животных и птицы, в лесных пожарах сгорают охотничьи избушки, стационарные промысловые орудия (слопцы, капканы, ограды на копытных). В результате ханты вынуждены искать новые места промысла или переориентироваться на другие виды жизнеобеспечения. Новые территории промысла, как правило, более удалены от мест проживания человека. Нередко они содержат меньше ресурсов, востребованных в традиционном природопользовании. В свою очередь, повышаются трудозатраты: обустройство промысловых стоянок, приобретение или изготовление новых орудий охоты, усложнение заброски и выброски. Как указывалось выше, в таких ситуациях возникают конфликты, вызванные вторжением погорельцев в места промысла других охотников.

Практическая составляющая

В культуре восточных хантов каждый ребенок с детского возраста получал от представителей старшего поколения практические навыки осторожного обращения с огнем. Эти навыки ре-

¹ Куст нефтяных скважин.

² Автор придерживается позиции соблюдения анонимности информантов.

гулярно усвершенствуются в обыденной жизни в процессе традиционного воспитания и участия детей в хозяйственной и промысловой деятельности: разведение домашнего очага, хлебных печей, дымокуров для оленей и собак, костров во время посещения леса. Среди способов предотвращения пожаров можно отметить: обкапывание мест под костер (вместе со снятием пожароопасного дернового слоя), возведение искусственных песчаных (глиняных) насыпей в местах очагов на болотах, контроль за дымокурами, а также тушение окурков во время нахождения в лесу.

Наиболее распространенными практическими средствами борьбы с лесными пожарами как в прошлом, так и в настоящем являются управляемые пожары, сведения о которых неоднократно были зафиксированы в ходе работ. Суть этого способа состоит в следующем. На территории бора, охваченного пожаром, находят узкий участок, ограниченный водой (озеро, старица, влажное болото). Здесь делают разрыв шириной 0,5–1 м: снимают ягель вместе с дерновым слоем до песка или глины. От линии разрыва навстречу неуправляемому лесному пожару по ветру пускают пал. Одновременно ведут наблюдение за тем, чтобы искусственный пожар не перекинулся за линию разграничения огня, а также засыпают песком или проливают водой небольшие очаги возгорания (рис. 1).

Рис. 1. Наблюдение за противопожарным разрывом. Ханты р. Лямин 3-й, окрестности стойбища В.Я. Песикова, июль 2012 г. Фото А.А. Рудь.

Известны случаи использования последствий лесных пожаров во время пушного промысла. К примеру, в 2014 г. в верхнем течении р. Малый Юган были получены сведения об успешном промысле соболя с ружьем и собакой в урманах, пострадавших от лесных пожаров 2012 г. Информанты объясняют удачный промысел обилием мелких грызунов в местах пожарищ. Заметим, сообщений о намеренном поджоге урманов с целью более эффективной охоты не имеется [ГМА, р. Малый Юган, июль 2014 г., ю. Новые Каймысовы, ю. Асмановы]. Также нет сведений о практиках выжигания травы рядом со стойбищами весной после схода снега. С другой стороны, сегодня известны факты умышленных поджогов хантами промысловых избушек, построенных на территориях их проживания жителями городов без согласования с коренным населением. Со слов хантов, во избежание пожаров эти поджоги совершают в пожаробезопасное время года [ГМА, р. Тромъеган, март 2014 г.; р. Малый Юган, март 2009 г.]. В силу неоднозначной правовой и этической оценки информанты ограничивались только общими сведениями об упомянутых акциях.

В некоторых случаях традиционная хозяйственная деятельность восточных хантов содержит отступление от безопасных принципов применения огня. На Тромъегане, Пиме и Лямине зафиксировано использование открытых дымокуров для выпаса оленей во влажные летние периоды [ГМА, 2002–2016 гг.]. Такие дымокуры, по сути — контролируемый поджог торфяных бугров, организуют на ограниченных водой пространствах болот. Несмотря на такое, якобы безопасное, использование, иногда, по свидетельствам самих информантов, дымокуры служат причинами начала лесных пожаров.

Один из случаев небезопасного использования дымокуров для оленей произошел в 2000-х гг. у тромъеганских хантов и привел к изменению места содержания божества — покровителя р. Тромъеган — *Эвут Ики*. В 1970-х гг. изображение *Эвут Ики* находилось в лабазе на святилище *Кор Воч Эвэт* на правом берегу р. Тромъеган в ее среднем течении. В связи с промышленным освоением рядом со святилищем изображение божества стали переносить: сначала — в незатронутое нефтяниками место, затем — на стойбища его хранителей. В начале 2000-х гг. оно было перенесено в лабаз рядом со стойбищем очередного хранителя на р. Волокотягун на левом берегу р. Тромъеган, где пребывало несколько лет. В середине 2000-х гг. при использовании дымокура для оленей возник пожар, уничтоживший стойбище и сильно повредивший культовый лабаз с изображением божества-покровителя. В связи с этим старейшины тромъеганских хантов приняли решение о возвращении изображения *Эвут Ики* в район его традиционного места содержания — на правом берегу р. Тромъеган [ПМА, р. Тромъеган, декабрь 2004 г., сведения Т.Е.А., К.Б.А.; г. Когалым, р. Ватьеган, март 2006 г., сведения С.Е.П., Р.Е.П.]. Среди тромъеганских хантов это событие до сих пор оценивается не как неосторожное обращение с огнем, а как нарушение человеком традиции содержания изображения божества-покровителя на правом берегу реки.

Религиозная составляющая

В традиционном мировоззрении восточных хантов пожары ассоциируются с культурами божеств огненных стихий. Уважительное и бережное отношение к огню до сих пор является частью традиционного воспитания детей. Хантыйская традиция содержит фольклорные сюжеты, кодифицирующие взаимоотношения человека и огня [Лукина, 1990, с. 180]. Обряды, адресованные божествам огня, регулярно отправляют как во время семейных (домашних) ритуалов, так и в ходе более крупных религиозных церемоний (родовых обрядов, коллективных приношений территориальных групп восточных хантов).

В силу большого значения огня в жизни человека почитание божеств огненных стихий занимает важное место у восточных хантов [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 143–145; Кулемзин, 1984, с. 56–57]. Сегодня наиболее почитают и часто упоминают *Най Ими (Най Анки)* — «Огня Хозяйку» («Мать Огня»). Согласно материалам, собранным А.П. Зенько у юганских хантов в 1990-х гг., ее почитали как покровительницу семьи и детей, называли «хозяйкой дома»: «Чтобы сохранить расположение *Най-анки*, необходимо было уважительно обращаться с огнем. Запрещалось ругать его, бросать в пламя мусор, резать его ножом, так как можно было поранить *Най-анки*» [1997, с. 35]. По мнению большинства современных информантов, сферой *Най Ими* является покровительство домашнего очага. Во время приношения для нее жертвуют платок или ткань красного цвета, оформленные в виде женской верхней одежды, — *Най Ими сак*. Все участники ритуала, включая грудных детей, должны дотронуться до символического изображения одежды «Хозяйки Огня» и пожелать, чтобы «она согревала и не приносила пожары» [ПМА, 2002–2016 гг.]. После этого изображение сжигают в ритуальном костре, жертвуя в огонь водку и деньги (рис. 2). Аналогичный церемониал происходит при проведении ритуала в доме. При этом *Най Ими сак* сжигают в печке. В таких случаях информанты часто сообщают, что приношение адресовано *Кот Най Ими* («Домашнего Огня Хозяйке») [ПМА, 2002–2016 гг.].

Если о *Най Ими* обычно говорят как о божестве, связанном с домашним огнем, то покровителем дикого, лесного огня выступает *Вонт Най Ими* («Лесного Огня Хозяйка»). Информация о приношениях «Лесному огню» в конце XX — начале XXI в. получена на всей территории исследований [ПМА, р. Лямин 2-й, июль 2003 г., сведения К.М.Д.; р. Тромъеган, июль — август 2004 г., стойбище Т.Е.А.; р. Тромъеган, июль 2012 г., стойбище К.С.В.; р. Лямин 3-й, июль 2012 г., сведения П.В.Я.; р. Малый Юган, июль 2014 г., сведения К.В.М.]. В 2004 и 2014 гг. на Тромъегане были зафиксированы ритуалы жертвоприношений оленей с обращением к «Хозяйке Лесного Огня» о прекращении лесных пожаров и засухи [ПМА, р. Тромъеган, июль — август 2004 г., стойбище Т.Е.А.; р. Тромъеган, июль 2012 г., стойбище К.С.В.]. Другой вариант представлений о лесном огне был описан А.П. Зенько в 1989 г. у юганских хантов: «Он возникал, как правило, от молнии, поэтому юганские ханты называли его *Пай-най* — «Грозовой огонь». Победить его можно было с помощью домашнего огня, т.е. встречным палом. Пуская встречный огонь, в жертву *Най-анки* приносили миниатюрный красный сах и просили защитить людей от чужого огня» [1997, с. 47]. В связи с промышленным освоением и изменением демографической обстановки количество лесных пожаров в Среднем Приобье продолжает расти. Поэтому в настоящее время

культ *Вонт Най Ими* сохраняет свою актуальность у восточных хантов. Помимо этого, заслуживают внимания сведения А.П. Зенько, что в 1989 г. ханты Малого Югана из ю. Киняминых с приближением лесных пожаров к населенному пункту совершили «пять коллективных жертвоприношений, обращенных к сверхъестественным существам различных рангов» [Там же, с. 131].

Рис. 2. Ритуальное сжигание *Най Ими сак* («Огня Хозяйки одежда») во время жертвоприношения тромъеганских хантов. Ханты р. Тромъеган, священное оз. Имлор, март 2014 г. Фото А.А. Рудь.

Еще одной фигурой пантеона, связанной с огненной стихией, является божество женского рода *Терэс Най Анки* («Моря Огня Мать» или «Тысячи Огней Мать») [Кулемзин, 1984, с. 112]. В начале XX в. А.А. Дунин-Горкавич писал о ней как о дочери *Торума*, давая следующие характеристики: «...местопребыванием ее служит то место моря, где оно становится огненным; она покровительствует убыли воды, когда обилие последней делается неблагоприятным для рыболовства. От нее же произошли на земле и люди: она по повелению *Торума* родила сына и дочь и велела им размножаться на земле» [1996b, с. 36]. По сведениям А.В. Головнева, собранным в конце XX в., у юганских хантов *Терэс Най Анки* известна как мать *Най-анки ими* («Огня-мать старухи») — хозяйки домашнего огня [1995, с. 543]. В настоящее время представления информантов об этом персонаже противоречивы. По мнению одних, она является олицетворением и началом всех огненных стихий [ПМА, д. Угут, март 2004 г., сведения Л.В.Н.]. У других — ассоциируется с жизненной энергией, которой она наделяет все живое. В такой интерпретации *Терэс Най Анки* близка к «Богине рождения и материнства» — *Пухос Анки* [Песикова, 2006, с. 33]. Однако сохранились и некоторые ее характеристики вековой давности. Современные информанты сообщают, что место пребывания *Терэс Най Анки* расположено в «огненном море, которое находится где-то вниз по Оби» [ПМА, д. Угут, март 2004 г., сведения Л.В.Н.; Зенько, 1997, с. 20]. У юганских хантов наблюдаются представления, что весной для *Терэс Най Анки* нужно сооружать березовый плот, устанавливая на нем фигуру, сделанную из березовых прутьев и одетую в красную ткань в виде женской верхней одежды (*сак*), поджигать и отправлять вниз по течению [Головнев, с. 542–543; Зенько, 1997, с. 20]. По мнению информантов, посредством этого ритуала изгоняются зимние невзгоды и болезни, а сама жертва предназначена для очищения человека и природы в связи с приходом весны. Помимо этого, обряд направлен на скорый уход большой воды, которая во время паводков в левобережье Оби является серьезным бедствием,

заставляя людей покидать юрты и ожидать схода большой воды на высоких незатопляемых местах [ПМА, д. Угут, март 2004 г., сведения Б.П.И.; р. Малый Юган, март 2004 г., сведения А.Н.П.; р. Малый Юган, май 2008 г., сведения К.А.И.].

Сегодня на связь противоречивого образа *Терэс Най Анки* с огненной стихией указывают материалы, собранные в ходе работ 2014 г. на Малом Югане. В ю. Каймысовых Новых были получены сведения, что ритуал с отправлением плота вниз по течению реки был проведен во время лесных пожаров летом 2012 г., когда огонь подобрался вплотную к юртам. К сожалению, информант не смог сообщить, для кого из божеств проводилась религиозная церемония, сославшись на то, что «в подобных случаях старые люди всегда так делали» [ПМА, р. Малый Юган, июль 2014 г., сведения К.В.М.]. Приведенный пример указывает на смешение характеристик двух божеств — *Терэс Най Анки* и *Вонт Най Ими*, и служит иллюстрацией трансформации традиционных представлений.

Среди традиционных ритуалов восточных хантов, связанных с огнем, необходимо упомянуть об обряде коллективной добычи огня путем трения деревянных деталей по принципу лучкового сверла. В настоящее время ритуал сохранился на Тромъегане. Его проводят перед началом крупных коллективных жертвоприношений (*мыр*). По сведениям информантов, этот ритуал обозначает рождение нового огня как символа жизни. В комментариях к религиозной церемонии ханты подчеркивают важность цикличности этого действия: «Всегда так делали. Деды делали, мы делаем, дети должны так делать» [ПМА, р. Тромъеган, сентябрь 2010 г., сведения Р.С.Г.]. В ходе опросов не получено сведений, что упомянутый ритуал как-то соотносится с персонифицированными божествами — покровителями огненных стихий.

Общие мировоззренческие аспекты

Рассматривая мировоззренческую составляющую, необходимо остановиться на представлениях восточных хантов об очищающей и охранительной (разграничивающей) роли огня во время традиционных обрядов. Первая из упомянутых функций наблюдается в ритуалах очищения огнем (дымом пихтовой коры, пениса оленя или чаги) человека, жертвенных прикладов, построек, других вещей и предметов перед религиозными церемониями.

Вторая, охранительная, функция также связана с религиозными церемониями, так как во время них человек может пресекать границы профанной сферы (соотносящейся со средним миром человека) и сакральной (соотносящейся с другими мирами, населенными сверхъестественными персонажами — божествами и духами). В таких случаях информанты сообщают об огне, разграничивающем человека и миры хантыйского космоса, населенные сверхъестественными персонажами. Эта функция огня актуальна во время проведения ритуалов обращения к божествам, переходных обрядов, традиционных гаданий и шаманских камланий, похоронных и поминальных обрядов; особенно — в процессе взаимодействия человека с негативно настроенными божествами и духами нижнего мира. К охранительной функции огня можно отнести сведения, полученные А.П. Зенько у юганских хантов: «...если ребенка оставляли дома одного, в очаге разводили огонь и просили его позаботиться о младенце» [1997, с. 85].

Следующий мировоззренческий аспект связан с представлениями восточных хантов о том, что только посредством огня достигается «полное очищение» или «полная смерть» предмета и «его души». В связи с этим необходимо подробнее остановиться на ритуале сжигания пришедших в негодность прикладов-пожертвований для традиционных божеств (жертвенных тканей и шкур животных, банкнот и монет и пр.). По собранным сведениям, такие жертвенные приклады (испорченные грызунами, упавшие на землю с культовых построек или священных нарт, истлевшие вследствие воздействия влаги и пр.) воспринимаются как «ненужные божествам»: их нельзя возвращать на места хранения сакральных предметов. С другой стороны, «если эти вещи были пожертвованы божествам, то их уже нельзя просто выбросить, чтобы они где-то валялись» [ПМА, р. Малый Юган, март 2004 г., сведения А.П.С., К.В.М.]. В этом случае происходит их выведение из категории сакральных предметов через ритуальное сжигание. Показательно, что в случаях утилизации аналогичных предметов, не связанных с сакральной сферой (старой одежды, шкур животных), их не сжигают, а складывают отдельно. К примеру, если старые вещи связаны с живым человеком, то их вывешивают на живое дерево недалеко от мест поселения [ПМА, 2002–2017 гг.]. Обозначенное отношение к сакральным предметам сохраняется даже у хантов, перешедших в течение последних 15 лет в евангельский баптизм и пятидесятничество [Wiget, Balalaeva, 2007; Ключева, 2012]. Среди хантов-неофитов зафиксированы факты сжигания

изображений традиционных божеств, культовых построек и атрибутики, жертвенных прикладов при переходе в новую веру [Рудь, 2016b, с. 115–117]. Эти действия расцениваются и неофитами, и носителями традиционной культуры не как утилизация культовых построек, атрибутики и деревянных изображений, но как уничтожение «самих божеств».

Подобные представления действуют в отношении медведя, убившего человека. Согласно материалам, полученным на Тромъегане [ПМА, р. Ингуягун, июнь 2006 г., сведения К.В.Н.] и Малом Югане [ПМА, р. Малый Юган, май 2008 г., сведения К.Е.П.], медведя-людоеда добывают и сжигают. Так об одном из таких случаев рассказывают информанты: «В юртах Киняминных эту же осень [один охотник] пошел с ружьем за глухарями. У них же там дорога, он прямо по ней пошел охотиться. Его медведь задрал. Этого медведя потом нашли. Нашли и убили его, а затем сожгли. Если медведь человека убивает — с ним всегда так поступают, так положено. Потому что, убив человека, он совершил грех» [ПМА, г. Сургут, март 2015 г., сведения А.В.И.]. К этим же представлениям можно отнести сведения А.П. Зенько, о том, что юганские ханты не устраивали праздник по убитому медведю-шатуну; его тушу, не снимая шкуры, сжигали [1997, с. 56].

Еще одна грань традиционных представлений восточных хантов, связанная с разграничительной функцией огня, наблюдается в вопросах отношения к пожарам на заброшенных стойбищах, с одной стороны, и на кладбищах — с другой. В ходе сбора материалов о пожарах на территориях оставленных стойбищ получены сведения, согласно которым в подобных местах (особенно в постройках) поселяются злые духи нижнего мира — «маячки» (*йэлэк-канлэх отэт*), негативно настроенные по отношению к человеку. В связи с этим ханты стараются не посещать без особой надобности оставленные места поселений. В случае пожара на таких поселениях сгорают визуально выраженные постройки, ассоциирующиеся с местом пребывания «маячек». По аналогии с приведенным выше примером это может рассматриваться как «полное очищение» оставленного стойбища и в материальном, и в духовном смысле. Таким образом, на уровне традиционного восприятия не проявляется жесткого негативного отношения к случившемуся событию.

Противоположностью изложенному выше является отношение восточных хантов к пожарам на территории родовых захоронений. Помимо представления о значимости таких некрополей как мест памяти умерших родственников в среде хантов Среднего Приобья отмечаются представления о том, что души усопших продолжают пребывать на кладбищах. Там же посредством погребальных и поминальных обрядов происходит «общение» между людьми одного рода, живущими в настоящем и потустороннем мире. Души усопших выступают «охранниками» своих живых родственников во время пребывания их на территории некрополей. Неоднократно фиксировались сообщения хантов о возможности безопасной ночевки на кладбище в случае, если человека застанет в пути ночь: «Здесь похоронены все мои родственники. Они не будут ничего мне плохого делать. Наоборот, они защищают человека от всяких маячек, нехороших *ыл лунк*³» [ПМА, р. Пим, июль 2010 г., сведения К.В.Я.; Зенько, 1997, с. 49].

Возвращаясь к разграничивающей функции огня, отметим, что в случае пожара на кладбище появляется опасность разрыва между родственниками, живущими в настоящем и потустороннем мире. Поэтому в случаях угрозы огненной стихии некрополям ханты часто предпринимают активные действия по тушению пожаров. Эти действия имеют и практический, и религиозный характер. Так об этом рассказывает информант с р. Лямин 2-й: «У нас на бору родовое кладбище. Там на мысу: дед, бабушка, отец похоронены. На реке Мэшик юхане геофизики летом работали, и от окурков весь бор загорелся. Бабушка одна была в летней старой избе. А пожар 10 км шел-шел вдоль реки. Бабушка и думает: ну что там уж осталось — все сгорело, наверно. Когда к могилкам огонь стал подходить, думает: пойду, посмотрю, ткань повешу, может, что поможет. Она и вещи уже в болото снесла. Приходит — до могил 200 м осталось. И огонь затухать начал, и прямо на болото пошел, потом через болото и на Березовую речку перекинулся. Она песком немножко закидала. Там, еще на Березовой, погорело чуть-чуть и погасло. И что странно, что-то подействовало или что... Повернуло огонь по мокрому через болото на Березовую. Там избушка зимняя сгорела, а к кладбищу стал подходить — погасло» [ПМА, р. Лямин 2-й, июль 2003 г., сведения К.М.Д.].

В настоящее время наблюдается изменение традиционных религиозных представлений восточных хантов, связанных с пожарами на святилищах. В мировоззренческом аспекте эти изменения выражаются в том, что ранее традиция предписывала оставлять поврежденные по-

³ *Ыл лунк* — обобщенное наименование информантом божеств и духов нижнего мира.

жарами культовые объекты. В представлениях восточных хантов такие события оценивались как знак, что «боги покинули это место» [ПМА, р. Тромъеган, июль — август 2004 г., сведения Т.Е.А.]. Последние пять лет стали наблюдаться факты продолжения ритуальных практик на пострадавших от огня святилищах. На сегодняшний день зафиксировано три случая отправления традиционных обрядов на культовых объектах, пострадавших от огня во время пожаров лета 2012 г. [Рудь, 2016а, с. 139]. В четвертом случае после пожара была перенесена ритуальная площадка одного из родовых святилищ: «Место сгорело совсем, ничего там не осталось. Люди туда перестали ходить. Сейчас молятся и берут скол дерева в другом месте, недалеко от старого» [ПМА, г. Когалым, август 2014 г., сведения Е.Н.А.].

Ханты объясняют эти новации безвыходностью, когда «нефтяники со всех сторон окружили и бежать дальше некуда», а также традиционными воззрениями, по которым ассоциирующиеся с сакральными ландшафтами божества являются покровителями прилегающих местностей или населенных пунктов. На практике отход от традиции по вынужденным причинам позволил обезопасить сакральные ландшафты восточных хантов от намеренного поджога с целью их десакрализации и последующего хозяйственного освоения. Отметим: подтвержденных фактов намеренных поджогов святилищ не имеется. Тем не менее отход от традиции стал фактором сохранения сакральных ландшафтов.

Заключение

Хантыйская культура содержит практические и религиозные стратегии предупреждения пожаров и борьбы с ними. Сегодня вместе с мощным промышленным освоением и урбанизацией Среднего Приобья участились случаи возгорания леса и традиционных поселений хантов. Причинами пожаров являются: внутри хантыйской культуры — ослабление традиционных норм осторожного обращения с огнем, за ее пределами — неаккуратное обращение с огнем в процессе промышленной деятельности и частных посещений тайги населением современных городов и поселков.

У восточных хантов, ориентированных на традиционное природопользование, сохраняются архаические модели отношения к пожарам (как в хозяйственной, так и в религиозной сфере). Продолжает поддерживаться традиционная практика сохранения от пожаров мест проживания человека и кормящих ландшафтов — оленьих ягельных пастбищ, промысловых угодий. Новшеством последних двух десятилетий является активная позиция восточных хантов в вопросах корректировки размещения промышленных объектов в местах кормящих ландшафтов, в том числе в связи с потенциальной угрозой пожаров.

В религиозной сфере многие пожары до сих пор рассматриваются информантами с позиций традиционных представлений о деятельности божеств огненных стихий. Важное место в мировоззрении восточных хантов продолжают занимать представления об очищающей и охранительной (разграничивающей) роли огня. Необходимо отметить, что в некоторых случаях, несмотря на объективные причины возникновения пожаров, восточные ханты рассматривают их с точки зрения традиционных религиозных воззрений. Трансформация религиозных представлений наблюдается в функционировании культовых объектов после их повреждения пожарами, что является ярким примером адаптации культуры восточных хантов к современности.

Полевые материалы автора:

- р. Лямин 2-й, р. Лямин 3-й, июль 2003 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- д. Угут, р. Большой Юган, р. Малый Юган, март 2004 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Тромъеган, июль — август 2004 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Тромъеган, декабрь 2004 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- г. Когалым, р. Ватьеган, р. Айкаеган, р. Ортъягун, р. Ингуягун, март 2006 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- г. Когалым, р. Ингуягун, р. Волоктаягун, июнь 2006 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Малый Юган, май 2008 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Малый Юган, март 2009 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Пим, июль 2010 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Тромъеган, сентябрь 2010 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Пим, р. Лямин, июль 2012 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Тромъеган, июль 2012 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Тромъеган, март 2014 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
- р. Малый Юган, июль 2014 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.

г. Когалым, р. Ватьеган, р. Тромъеган, р. Лямин, август — сентябрь 2014 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.
г. Сургут, март 2015 г. Сургутский р-н ХМАО — Югры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вигет Э.* Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Научно-исторические очерки. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 169–222.
- Вигет Э., Балалаева О.Э.* Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования. Томск: Изд-во ТГУ, 2014. № 4. С. 38–72.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерея, 1995. Т. I. 376 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерея, 1996а. Т. II. 432 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. М.: Либерея, 1996б. Т. III. 208 с.
- Закон ХМАО — Югры от 28.12.2006 г. № 145-ОЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре» (принят Думой ХМАО — Югры 27.12.2006 г.)* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.dumahmeo.ru/decisions/detail.php?ID=7082>.
- Зенько А.П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.
- Клюева В.П.* Распространение протестантизма у коренных малочисленных народов (на примере хантов-пятидесятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 133–141.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в кон. XIX — нач. XX вв.: Этнографические очерки. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 226 с.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 192 с.
- Лукина Н.В.* Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н.В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.
- Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе: (Утверждено решением Совета народных депутатов ХМАО от 07.02.1992 г.)* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://khanty.regnews.org/doc/sr/j4.htm>.
- Песикова А.С.* Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
- Рудь А.А.* Культурные объекты восточных хантов в начале XXI в. // УИВ. 2016а. № 4 (53). С. 136–141.
- Рудь А.А.* Современные процессы в религиозной сфере восточных хантов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016б. № 2 (10). С. 108–124.
- Ямсков А.Н.* История становления и развития отечественной этноэкологии // ЭО. 2013. № 4. С. 49–64.
- Wiget A., Balalaeva O.* Crisis, Conversion and Conflict: Evangelical Christianity, Rapid Change and the Eastern Khanty // Berghahn Journals. Sibirica. Vol. 6. № 1. Spring 2007. P. 1–29.

A.A. Rud'

Municipal autonomous institution of the Surgut region
Historical and Cultural Research and Production Center «Barsova Gora»
Leningradskaya st., 11, Surgut, 628416, Russian Federation
E-mail: raa@bk.ru

FIRES IN THE CULTURE OF THE EASTERN KHANTY: MODERN ASPECTS

The study is based on the author's field research conducted in 2002–2016. The research area covers a part of territories traditionally inhabited by the Eastern Khanty in the Middle Ob region, including basins of the rivers Agan, Trom-egan, Pim, Lyamin, Bolshoy Yugan and Malyi Yugan. In the last 30 years, the industrial development, urbanization of the Middle Ob region led to large-scale changes in the culture of the Eastern Khanty, based on traditional nature use. That changes affected all aspects of indigenous culture, including relations between a human and fire. Today, fires in the forest and traditional settlements of the Eastern Khanty are more frequent in the Middle Ob region. Nowadays, weakening of traditional norms of delicate handling of fire is one of the causes of fires. Inaccurate handling of fire during industrial activities and visits to the taiga by urban people is another cause of fires. In addition, cases when the Khanty set fire to forest huts of urban residents take place. Archaic models of attitude to fires in the practical and religious spheres are preserved among the Eastern Khanty, living in the taiga and practicing traditional nature use. The practice of preserving places of human habitation and feeding landscapes (deer pastures and hunting grounds) from fires is still maintained. The traditional practice of using controlled fire to stop forest fires is used. In the last two decades, the Eastern Khanty are at the forefront of discussing the construction of industrial facilities in places of feeding landscapes, in connection with the potential

threat of fires. Until now, fires in the religious sphere have been perceived by informants from the standpoint of traditional ideas about the activities of deities of fire. Representations of purifying, destroying and protective functions of fire have been still occupying an important place in the world view of the Eastern Khanty. There are differences in the assessment of the consequences of fires at abandoned settlements and cemeteries by the native inhabitants. In some cases, the Eastern Khanty consider the occurrence of fires in terms of traditional religious views, despite the objective reasons of their appearance. The transformation of religious beliefs is observed in the functioning of religious objects after they are damaged by fires, which is a vivid example of adaptation of the culture of the Eastern Khanty to modernity.

Key words: the Eastern Khanty, attitude to fire, consequences of fires, economic practices, religious beliefs, pantheon of traditional deities, transformation of world view, adaptation strategies.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-128-137

REFERENCES

- Golovnev A.V., 1995. *Govoriashchie kul'tury: Traditsii samodiitsev i ugrov* [The speaking cultures: Traditions of Samoyed and Ugric Peoples], Ekaterinburg: Ural Branch of the RAS, 606 p.
- Dunin-Gorkavich A.A., 1995. *Tobol'skii Sever* [Tobolsk North], M.: Libereia, vol. I, 376 p.
- Dunin-Gorkavich A.A., 1996a. *Tobol'skii Sever* [Tobolsk North], M.: Libereia, vol. II, 432 p.
- Dunin-Gorkavich A.A., 1996b. *Tobol'skii Sever* [Tobolsk North], M.: Libereia, vol. III, 208 p.
- Kliueva V.P., 2012. Rasprostranenie protestantizma u korennykh malochislennykh narodov (na primere khantov-piatidesiatnikov) [The spread of Protestantism among indigenous peoples (on the example of Pentecostal Khanty)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (19), pp. 133–141.
- Kulemzin V.M., Lukina N.V., 1977. *Vasiugansko-vakhovskie khanty at the end of the XIX — beginning of the XX centuries: Ethnographic essays*, Tomsk: Tomsk State University, 226 p.
- Kulemzin V.M., 1984. *Chelovek i priroda v verovaniakh khantov* [The man and the nature in beliefs of the Khanty], Tomsk: Tomsk State University, 192 p.
- Lukina N.V., 1990. *Mify, predaniia, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and the Mansi], Moscow: Nauka, 568 p.
- Pesikova A.S., 2006. *Vzgliad iznutri kul'tury* [A view from the inside of culture], Khanty-Mansiisk: Poligrafist, 98 p.
- Rud' A.A., 2016b. Sovremennye protsessy v religioznoi sfere vostochnykh khantov [Modern Processes in the Religious Beliefs of the Eastern Khanty]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï*, no. 2 (10), pp. 108–124.
- Rud' A.A., 2016a. Kul'tovye ob"ekty vostochnykh khantov v nachale XXI v. [Ritual Sites of the Eastern Khanty in the 21st century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (53), pp. 136–141.
- Wiget A., 2002. Ekonomika i traditsionnoe zemlepol'zovanie vostochnykh khantov [Economy and traditional land use of the Eastern Khanty]. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: Nauchno-istoricheskie ocherki*, Ekaterinburg: Tezis, pp. 169–222.
- Wiget A., Balalaeva O., 2007. Crisis, Conversion and Conflict: Evangelical Christianity, Rapid Change and the Eastern Khanty. *Berghahn Journals. Sibirica*, vol. 6, no. 1, pp. 1–29.
- Wiget A., Balalaeva O.E., 2014. Neft', marginalizatsiia i vostochnye khanty [Oil, marginalization and the Eastern Khanty]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 4, Tomsk: Tomsk State University, pp. 38–72.
- Yamskov A.N., 2013. Istoriiia stanovleniia i razvitiia otechestvennoi etnoekologii [History of formation and development of domestic ethnoecology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 49–64.
- Zen'ko A.P., 1997. *Predstavleniia o sverkh"estestvennom v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov: Struktura i variativnost'* [Representations of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians: Structure and variability], Novosibirsk: Nauka, 160 p.